

УДК 343.131

С.В. Корнакова

**ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ
НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
С ПОЗИЦИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ**

В статье рассматривается специфика действия общего для всего права принципа справедливости, проявляющаяся в ограничении сферы его действия на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Подвергаются анализу взгляды ученых на его содержание и природу. Критически оцениваются мнения ученых, считающих необходимым закрепление принципа справедливости в уголовно-процессуальном законе. Показывается их несостоятельность в связи с тем, что процесс расследования преступлений невозможен без применения средств принуждения, несовместимых с категорией «справедливость». Делается вывод о том, что решения и принимаемые на их основе действия властных субъектов уголовного судопроизводства на досудебных стадиях процесса не могут оцениваться с позиций справедливости. Поддерживается утверждение некоторых ученых, отрицающих возможность применения критерия справедливости по отношению к любым процессуальным решениям в уголовном судопроизводстве, кроме приговора.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принцип справедливости, меры принуждения, моральные требования.

S.V. Kornakova

**THE PROBLEM OF ASSESSING PROCEDURAL DECISIONS AT THE
PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS FROM THE STAND-
POINT OF JUSTICE**

The author studies specific features of the application of a universal law principle of justice manifested in the limitation of its use at the pre-trial stages of criminal

proceedings. Views of scholars on its content and nature are analyzed. The author criticizes the beliefs of some scholars that the principle of justice should be incorporated in the criminal procedure legislation and shows that they are untenable since the process of investigation is impossible without coercive measures, which are incompatible with the category of “justice”. The author concludes that the decisions and the actions of state representatives based on these decisions at the pre-trial stages of criminal proceedings cannot be assessed from the standpoint of justice. The author also supports the views of some researchers who deny the possibility of applying the criterion of justice towards any procedural decisions in criminal proceedings apart from the sentence.

Keywords: criminal proceedings, principle of justice, coercive measures, moral demands.

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ, определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Указанная норма критически оценивается некоторыми авторами в связи с отсутствием в ее содержании требования справедливости. По мнению некоторых ученых, все принимаемые в уголовном судопроизводстве решения и производимые на их основе процессуальные действия должны отвечать не только требованиям законности, обоснованности и мотивированности, но и требованию справедливости [1, с. 33].

На наш взгляд, несостоятельность приведенного утверждения демонстрирует общеизвестное положение о том, что право по своей природе вполне допускает прямое и косвенное принуждение. В справочной литературе принуждение определяется как действие, совершаемое против воли лица, по отношению к которому оно осуществляется. По Далю, смысловое значение понятия «принуждать кого-либо» отражают понятия «заставлять, силовать, поневолить» [2, с. 529], что отнести к проявлению должного отношения к человеку весьма затруднительно, а значит, и к соответствующему категории «справедливость».

Процесс реализации права, по мнению В.С. Соловьева, имеет своей непосредственной целью осуществление известного блага, которым является общественная безопасность. При таком целеполагании принудительная сила закона становится необходимостью [3, с. 80–81]. Реализуя охранительную функцию, государство наделяет право признаком организованного принуждения, предусматривая в законе для этой цели определенные средства. В частности, такими средствами будут угрозы, содержащиеся в законодательных нормах, отражающие прямое побуждение к следованию предписаниям закона, а также санкции в случае их неисполнения. Потому способность права поддерживать свое императивное значение аппаратом принуждения является одним из существенных признаков, отличающих право от нравственности [4, 5].

Следует отметить, что утверждение о необходимости распространения требований справедливости на способ получения доказательств по уголовному делу, чаще всего высказываются теоретиками уголовно-процессуального права. Ученые-криминалисты и юристы-практики более осторожны в использовании

данной категории и по отношению к средствам и способам получения доказательств в процессе расследования уголовного дела и используют категории «адекватность», «необходимость и достаточность», «оптимальность», «эффективность», «правомерность», «обоснованность», «целесообразность» и т.д., но только не справедливость. В процессе производства по уголовному делу используются методы и средства, которые с точки зрения закона могут являться правомерными, но при этом противоречащими нравственным требованиям. Так, Р.С. Белкин, оценивая методы и средства раскрытия и расследования преступлений с этических позиций, отмечал, что посредством такой оценки решаются два вопроса: во-первых, вопрос допустимости самих методов и средств – этот критерий носит абсолютный характер и определяет возможность или невозможность их использования. Например, законом прямо установлено требование проведения освидетельствования лицом того же пола, что и освидетельствуемый. Во-вторых, вопрос соответствия применения установленных законом методов и средств расследования уголовного дела нормам морали. По мнению указанного ученого, этот критерий по своей природе является весьма относительным, поскольку оценка допустимости с точки зрения закона применяемых методов и средств в конкретной ситуации, причиняя участвующим в деле лицам моральный вред, может в связи с этим не соответствовать нормам морали. Так, действуя в рамках закона, но, пренебрегая моральными требованиями, иногда может осуществлять задержание подозреваемого лица на глазах у членов его семьи, в том числе несовершеннолетних детей [6, с. 97]. Безусловно, аморальными являются такие действия следователя, как прослушивание чужих разговоров, чтение чужих писем, требование обнажения в присутствии посторонних, но при определенных обстоятельствах закон позволяет делать это [6, с. 113]. Поэтому процесс расследования преступлений, предполагающий противоборство сторон, неизбежно связан с наличием ситуаций, оценка которых может не соответствовать нравственности. В частности, мораль отрицает и осуждает все виды обмана, но в практике расследования преступлений некоторые из них допустимы, например, создание преувеличенного представления об осведомленности следователя или познавательных возможностях разного рода экспертиз; введение в заблуждение относительно интеллектуальных способностей следователя и т.д.

Рассуждая о тактике применения обмана в практике расследования, Т.Д. Телегина указывает на ее доктринальную допустимость в интересах эффективного расследования преступлений, исходя из рациональности, научной и психологической обоснованности и избирательности применения обмана [7, с. 360]. В этом отношении, безусловно, обоснованным видится вывод А.С. Князькова о том, что оценка нравственности поступка лица, ведущего производство по уголовному делу может быть однозначной лишь в том случае, когда нравственное является атрибутом законного, точно названного в правовой норме и исключаящего возможность его различного истолкования, поведения [8, с. 125]. Основанием выбора следователем тактического средства должен быть принцип «меньшего зла». Подобный подход предполагает предварительный анализ и соотнесение возможных положительных и отрицательных последствий выбора, пользы или вреда в случае использования или отказа от использования того или иного

средства. Поэтому единственным нравственным критерием, с позиций которого в процессе расследования преступлений следует оценивать допустимость применяемых тактических средств является наличие свободы выбора более соответствующей нравственности линии поведения, в случае отсутствия которой выбор средства диктуется законом.

Вместе с тем, как справедливо отмечает А.Ф. Лубин, одним из «7 НЕ» (запретов при производстве следственных действий) является правило: «не использовать принуждения без убеждения» [9, с. 28]. Поэтому при противодействии законным требованиям следователя, прокурора и суда принуждение допустимо лишь после того, как исчерпаны все средства убеждения.

В процессе расследования преступлений применения принуждения имеет своей целью обеспечение исполнения обязанностей, предписываемых законом. Из этого следует закономерный вывод о том, что требования законности, обоснованности и мотивированности являются необходимыми и достаточными, если речь идет о решениях, принимаемых при возбуждении и расследовании уголовных дел, поскольку, отнесение производимых на их основании действий затруднительно отнести к свободным от принуждения.

Тем не менее, З.В. Макарова считает, что реализация принципа справедливости в уголовном судопроизводстве возможна лишь в случае справедливого возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела [10, с. 54]. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением В. М. Сырых о том, что многие, если не все, процессуальные отношения остаются нейтральными относительно принципа справедливости, а часть норм, связанных со сферой государственного принуждения, и вовсе ему противоречит. Поэтому принцип справедливости не может претендовать на всю систему права [11, с. 14, 16] и постановка вопроса о соответствии требованию справедливости решения о возбуждении уголовного дела или о производстве кого-либо процессуального действия является, по меньшей мере, надуманной. Если приговор суда, как результат разрешения уголовного дела, можно и должно оценивать с позиции справедливости, то к решениям и действиям, применяемым в ходе досудебного производства по уголовному делу, категория справедливости вряд ли применима.

Российский правовед В.А. Рязановский, характеризуя природу процессуального права, отмечал, что оно представляет собой, в первую очередь, «установление права государства на наказание лица» [10, с. 153]. Другими словами, такое право может быть установлено только по результату судебного разбирательства приговором суда. Поэтому, на наш взгляд, для оценки правомерности и обоснованности принятия любого процессуального решения по уголовному делу исчерпывающим является критерий законности.

По мнению же С.А. Ивановой, способы получения доказательств должны соответствовать принципу справедливости, т.е. не нарушать его этических и нравственных требований (уважительное отношение к свидетелю или подозреваемому, их человеческому достоинству) [1, с. 32].

Представляется, что, во-первых, неуважительное отношение к свидетелю или подозреваемому, унижение их человеческого достоинства является наруше-

нием требований ст. 9 УПК РФ. Во-вторых, уважение чести и достоинства личности, действительно, является проявлением принципа справедливости, но не сводится к этому, поэтому в приведенном суждении явно заужена сфера действия этого принципа. В-третьих, многие способы получения доказательств предполагают принуждение не только к лицам, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, но и к лицам, которые волей случая попали в сферу уголовно-процессуальных отношений, что затруднительно назвать соответствующим нравственным требованиям.

Как указывал Р.С. Белкин, угроза как форма психического насилия «может быть правомерной, даже специально предусмотренной законом. Подобной угрозой, причем весьма реальной и достаточно серьезной, служит обязательное предупреждение при допросе свидетеля и потерпевшего об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний» [6, с. 101]. Поэтому способы получения доказательств должны соответствовать требованиям законности и целесообразности, под которой принято понимать адекватность средств условиям стоящей задачи и их достаточность для достижения поставленной цели. Кроме этого, как отмечает И.В. Смолькова, уголовно-процессуальное законодательство, проявляя свою принудительную составляющую, содержит правосстановительные и принудительные санкции, которыми обеспечивается соблюдение правовых предписаний, например, применение к некоторым участникам уголовного процесса привода в случае их неявки по вызову при отсутствии уважительных причин (ст. 113 УПК РФ) [13, с. 37].

И. В. Ростовщиков относит к справедливым лишь те меры пресечения, которые являются соразмерными с действительной необходимостью, адекватны обстоятельствам уголовного дела. При этом, по его мнению, исходным, руководящим началом должно быть положение, что вред, причиненный преступлением правам граждан, должен быть не меньшим, нежели наступающий вследствие необходимого по делу ограничения прав других лиц [14, с. 53].

Подобные утверждения вряд ли можно признать обоснованными, поскольку в ходе производства по уголовному делу ни само событие преступления, ни виновность в его совершении заподозренного лица еще не доказаны в предусмотренном законом порядке, а, значит, вести речь о соразмерности вреда, нанесенного преступлением, и вреда, причиняемого правоохранительными органами в виде, пусть и основанного на законе, ограничения прав обвиняемого в совершении преступления лица не только преждевременно, но и противоречит как презумпции невиновности, так и принципу справедливости, поскольку до признания виновным приговором суда обвиняемого справедливо считать невиновным. Презумпция невиновности относится к конституционным принципам, гарантирующим соблюдение прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений (ст. 49 Конституции РФ) [15, с. 36].

По всей видимости, учеными, которые придерживаются подобных приведенной позиций, расширительно толкуется принцип справедливости, закрепленный в ст. 6 УК РФ, согласно которой наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми. Авторами не берется во внимание, что оценивать с позиции

справедливости применение иных мер уголовно-правового характера можно лишь тогда, когда вина лица в совершении преступления доказана. Поэтому законодатель соотносит принцип справедливости с наказанием, предусмотренным уголовным законом за совершение запрещенного деяния, т.е. рассматривает его с точки зрения материального права. Следует согласиться с утверждением В.В. Мальцева, отмечающего, что принцип справедливости скорее представляет собой общее начало назначения наказания, нежели выражает главенствующий принцип, на котором зиждется все уголовное судопроизводство [16, с. 98]. Из этого следует, что справедливость, предполагающая, чтобы к людям всегда относились должным образом, не может быть принципом всего уголовного процесса, нормы которого в определенных законом случаях допускают ограничение прав личности, принуждение, в том числе физическое. Поэтому нами отрицается возможность применения критерия справедливости в отношении любых процессуальных решений, кроме приговора.

Таким образом, общеправовой принцип справедливости невозможно отнести к разряду принципов судопроизводства на досудебных стадиях, поскольку его действие ограничено спецификой процесса расследования преступлений. Поэтому при возбуждении и расследовании уголовного дела детерминирующим принципом является принцип законности, справедливость же наряду с законностью и обоснованностью должна быть руководящим требованием при принятии итогового решения по уголовному делу. Справедливость, являясь одним из главенствующих и руководящих принципов российского права, предполагает соответствие назначения, целей и задач уголовного и уголовно-процессуального законодательства идеям этого принципа.

Список использованной литературы

1. Иванова С.А. Реализация принципа социальной справедливости в правоприменительной деятельности // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. – № 1 (20). – 2011. С. 28–38.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М. : Изд-во Эксмо, 2006. – 736 с.
3. Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. – М. : Республика, 1996. – 479 с.
4. Субботина И.Г. Нравственные начала предварительного расследования (на основе сравнительного анализа УПК РСФСР и УПК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2000. – 216 с.
5. Смирнова И.Г. Ценность как основная категория аксиологии и ее значение в праве // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2010. – № 5.– С. 144–148.
6. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М. : Изд-во НОРМА, 2001. – 240 с.
7. Телегина Т.Д. Тактика применения обмана в расследовании преступлений // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: Мат-лы Межд. науч.-практ.

конф. (Москва, 14 нояб. 2013 г.). В 3-х ч. – Ч. 2 (практическая значимость). – М. : Ин-т повыш. квалиф. СК РФ, 2013. – С. 359–363.

8. Князьков А.С. Концептуальные положения тактического приема. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. – 190 с.

9. Лубин А.Ф. Уголовно-процессуальные основы и тактика производства следственных действий : учеб.-метод. пособ. – Н. Новгород : Нижегород. академия МВД России, 2010. – 106 с.

10. Макарова З.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮурГУ. – № 7. – 2012. – С. 54–56.

11. Сырых В.М. По справедливости о юридической справедливости // Правовая и политическая жизнь общества. – 2015. – № 1 (58). – С. 8–21.

12. Смолькова И.В. Великие и выдающиеся, знаменитые и известные личности об уголовном судопроизводстве / сост. И.В. Смолькова. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 688 с.

13. Принципы современного российского уголовного судопроизводства / под науч. ред. И.В. Смольковой. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 358 с.

14. Ростовщиков И.В. Справедливость и охрана прав личности на предварительном следствии // Проблемы демократизации предварительного следствия. – Волгоград : Изд-во ВСШ МВД СССР, 1989. – С. 47–53.

15. Литвинцева Н.Ю. Законность при производстве по уголовному делу // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 6 (14). – С. 31–39.

16. Мальцев В.В. Принципы уголовного законодательства и общественно опасное поведение // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 98–102.

Информация об авторе

Корнакова Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Svetlanakornakova@yandex.ru.

Information about the author

Kornakova, Svetlana V. – Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Baikal State University; Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, the Russian Federation\$ e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.